

ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА СЕТО

Ф. Г. АЛЕКСЕЕВ,

*студент III курса образовательной программы «История», Санкт-Петербургский кампус ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург, РФ)*

В настоящей статье представлено краткое описание языковой ситуации в Печорском районе Псковской области, современного положения языка сето на этой территории и его взаимоотношений с эстонским и русским языками. Мы также рассмотрели вопросы идентичности носителей сето и перспективы сохранения и ревитализации этого идиома. Большая часть материала, приведенного здесь, была собрана в ходе экспедиции в Печорский район в декабре 2015 г. под научным руководством старшего научного сотрудника Института лингвистических исследований Российской академии наук М. З. Муслимова. В ней принимали участие автор работы и магистрантка Санкт-Петербургского государственного университета по программе «Малые языки и языковая политика» Д. С. Сатанова.

Для обозначения описываемого идиома мы используем термин «язык», поскольку все опрошенные нами носители сето считают его самостоятельным языком, а не диалектом эстонского, южноэстонского или выро, как это принято в эстонской лингвистической традиции [6, 180]. Точное количество носителей сето в России неизвестно, но, по мнению наших респондентов и согласно примерной оценке А. Г. Манакова, оно не превышает ста человек [3]. Ареал компактного проживания сето – Сетомаа – Печорский район Псковской области и прилегающие к нему уезды Эстонии. В эстонской части Сетомаа количество носителей языка сето, по сведениям Департамента статистики Эстонии, достигает тринадцати тысяч человек. Мы рассматриваем положение языка сето

только в российской части этого исторического региона. На территории России язык сето не признан на государственном и региональном уровнях, не имеет письменной формы и не преподается в школах. В отличие от Эстонии в России нет словарей, учебников и текстов, опубликованных на сето. Существует Псковский центр по изучению сету (сето) при кафедре географии Псковского государственного университета, но его сотрудники занимаются исключительно вопросами социологии, демографии, этнографии и географии расселения этой этнической группы.

Языковая ситуация в Печорском районе

Большую часть населения Печорского района Псковской области составляют русские, и очевидно, что русский используется на всей его территории в качестве языка межнационального общения. Тем не менее в ходе экспедиции нами не было зафиксировано ни одного случая переключения кодов между сето и русским. Это могло бы говорить об удивительно высокой степени сохранности языка сето даже при столь малом количестве носителей. Против такого заключения свидетельствует значительная интерференция с эстонским языком, которую мы наблюдали у некоторых респондентов, и крайне дисперсное и чересполосное расселение носителей сето: на территории Печорского района нами не было найдено ни одного полностью сетоязычного населенного пункта. В рамках классификации степеней сохранности языка, используемой

© Алексеев Ф. Г., 2016

ЮНЕСКО [5, 12], положение сето в России можно охарактеризовать как *severely endangered*, когда большинство компетентных носителей относятся к старшему поколению, поколение родителей понимает язык, но не говорит на нем, дети знают лишь отдельные слова.

Ситуацию можно проиллюстрировать высказыванием одного из наших информантов, сына пожилой носительницы языка: «Я как собака: все понимаю, но совсем ничего сказать не могу». Интересно, что к группе так называемых потенциальных носителей языка (ср. [4, 18]) относятся не только этнические сето и уроженцы ареала их компактного расселения: одна из респонденток, охарактеризовавшая свою компетентность так же, как сын носительницы языка, родилась в русской семье в Ленинграде и переехала в Печорский район около тридцати лет назад. На момент ее приезда в деревню *Radaja* (рус. Сигово) все местные жители говорили между собой на сето, многие из них даже не знали русского, и ей пришлось выучить основы сетоского языка.

Переход младших поколений на русский язык – не единственная и даже не главная причина сокращения численности носителей языка сето на территории России. Количество этнических сето, в том числе носителей языка, уехавших из Печорского района в Эстонию в последние десятилетия, почти в четыре раза превышает естественную убыль сетоского населения [3, 144].

Представление носителей о себе и своем языке

Как уже было сказано, все опрошенные нами носители сето считают его самостоятельным языком, который имеет значительные отличия от языков всех соседей. Многие указали на невзаимопонятность сето и литературного эстонского языка.

Отдельно стоит охарактеризовать отношение информантов к выро – близкородственному южноэстонскому идиому, с которым сето взаимопонятен практически полностью. На вопрос о том, входит

ли сето в состав группы взрослых говоров (этой точки зрения придерживаются большинство выроразычных активистов и некоторые эстонские диалектологи, см., например [6, 165]), все респонденты ответили отрицательно, утверждая, что сето – самостоятельный язык, а не часть эстонского, взрослого или какого-либо еще. Отметим высказывание женщины 76 лет, носительницы языка сето: «Мы не признаем взрослый лексикон!». О сето, живущих в эстонской части Сетомаа, она сказала, что только сето Петсеримаа (Печорского района) «настоящие», хотя сето Эстонии и относятся к тому же народу.

В советское время сето России на формальном уровне относили к эстонцам. Интересен случай, когда одна из наиболее компетентных носительниц сето, опрошенных нами, обозначила в социологическом опроснике свою национальность как «русская», отметив при этом, что в ее советском паспорте в графе «Национальность» было указано «эстонка», «но это неправда». В Печорском районе существовали школы с эстонским языком преподавания, где и училась большая часть наших информантов. По утверждению трех человек, практически все учащиеся в этих школах были этническими сето и на переменах говорили друг с другом исключительно на сетоском языке.

В школе носители сето знакомились лишь с грамматикой литературного эстонского языка, поэтому многие из них считают, что само понятие грамматики относится только к письменным языкам, таким, как эстонский и русский, ср. высказывание одной из наших информанток: «А в нашем языке нет грамматики. Это в эстонском вот есть... в русском, наверное». Косвенным подтверждением этих наивных представлений выступают противоречивые данные о личных формах глагола, полученные от одного из носителей языка. При записи парадигмы глагола *elämä* ‘жить’ он назвал формы, полностью совпадающие с эстонскими: *elan* ‘живу’, *elad* ‘живешь’, *elab* ‘живет’ и т. д. Тем не менее в автобиографическом тексте, прозвучавшем буквально через несколько де-

сятков минут, он использовал сетоскую форму этого же глагола, зафиксированную нами и у других информантов: *mi elä rotovah* 'я живу в Ротово'. Это может свидетельствовать о том, что данный информант помнит «табличные» формы, вероятно, входившие в курс изучения эстонского языка в школе, и считает их правильными, но не применяет в устной сетоской речи.

Влияние русского языка на язык сето

В работе о южноэстонских идиомах К. Пайюсалу утверждает, что «...произношение и лексика сето подверглись значительному влиянию местных русских диалектов» (перевод мой. – Ф. А.) [6, 187]. Далее он приводит многочисленные примеры лексических заимствований из русского, записанные в эстонской части Сетомаа. Однако в Печорском районе нами не было зафиксировано ни одной из форм, представленных в списке примеров у Пайюсалу. Более того, он указывает лексему *paaba* 'старуха' в сетоских говорах Эстонии, возводя ее к русскому «баба», тогда как в российской деревне *Radaja* (рус. Сигово) нами была записана форма *vana nani* 'старуха', соответствующая исконному эстонскому *vana naine*. Вряд ли этот пример можно считать доказательством более полного сохранения исконной лексики в языке сето России – для такого суждения нам просто не хватает данных. Тем не менее в нашем полевом корпусе текстов и диагностических высказываний и в лексиконе количество заимствований из литературного русского языка и местных русских говоров является сравнительно низким. Все они относятся к сфере домашнего быта (кухонная утварь, пища, одежда): *kastrul* 'кастрюля', *sõõr* 'сыр', *samakõn* 'самогон', *patinka* 'ботинок' и т. д. Отдельно стоит отметить лексику *tirannik* 'полотенце', отсутствующую в литературном русском и, вероятно, заимствованную из псковских говоров (ср. [1, 126]).

В целом на основании собранных нами данных можно говорить о крайне незначительном влиянии русского на язык сето

Печорского района: по приблизительным подсчетам, не более 3 % лексики, зафиксированной в полевом корпусе, имеет русское происхождение. Каких-либо следов русского влияния в фонетике и морфологии сето нами также не обнаружено.

Вопросы ревитализации

Отдельный блок социолингвистического опросника (адаптированная версия анкеты, представленной в [2, 171]), использовавшегося нами в ходе работы с информантами, посвящен аспектам передачи языка между поколениями и его сохранения. На вопрос: «Какие языки, по-вашему, необходимо знать вашим детям?» все респонденты – носители сето ответили, что детям следует знать и русский, и сетоский. Тем не менее ни один из них не ответил положительно на вопрос: «Хотите ли вы, чтобы в школе преподавали сетоский язык?». Все они сошлись во мнении, что в этом нет смысла. Некоторые считают, что передача языка детям возможна только при активном участии их старших родственников: «В школе не вижу смысла учить... Это дети пускай дома учат, с мамой... с папой там, если знают... может, бабушка, дедушка... А если не знает никто, то уж никак». Представители младшего поколения сето, уже не владеющие этническим языком, выказали желание учить его, но говорили о недостаточном обеспечении: «Знаете, сколько у нас ребят хотело бы изучать? Но нет материалов...». В таких условиях могут быть целесообразны издание словарных материалов, текстов для чтения, организация факультативных занятий по языку сето при Печорской лингвистической гимназии, где на данный момент ведется преподавание литературного эстонского языка, в первую очередь нацеленное именно на детей сето.

Итак, как уже было сказано выше, по ряду причин идиом сето России следует рассматривать отдельно от сетоских и выросших вариантов, распространенных на территории Эстонии. В этом качестве

язык сето Псковской области остается одним из наименее полно изученных и описанных финно-угорских идиомов страны и мира. Учитывая степень его сохранности и небольшое число компетентных информантов, считаем целесообразным продолжить полевые исследования и разработать корпус сетоского языка. Несмотря на

сомнения представителей языкового сообщества, ревитализация теоретически остается возможным путем развития для этого идиома. Нельзя утверждать, что язык потерян абсолютно, но его сохранение осуществимо лишь при постоянной поддержке властей, научного сообщества и собственно последних носителей сето.

Поступила 05.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Большакова, Н. В.* Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Н. В. Большакова. – Псков : Логос Плюс, 2012. – 284 с.
2. *Крылова, А. С.* Языковая ситуация в кетских поселках // Полевые исследования студентов РГГУ : этнология, фольклористика, лингвистика. – Москва, 2006. – Вып. I. – С. 163–172.
3. *Манаков, А. Г.* Сету Печорского района в начале XXI века (по итогам этнодемографического исследования 2008 г.) / А. Г. Манаков, Н. В. Карпухина, О. А. Пыжова // Псковский регионологический журнал. – 2009. – № 7. – С. 140–145.
4. *Шеллер, Э.* Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. – 2010. – № 2 (69). – С. 15–27.
5. *Moseley, C.* Atlas of World's Endangered Languages in Danger / C. Moseley. – 3rd ed. – Paris : UNESCO Publishing, 2010. – 222 p.
6. *Pajusalu, K.* Lõunaeesti murded // Eesti murded ja kohanimed. – Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2009. – P. 165–194.
1. *Bolshakova, N. V.* (2012), Traditional way of life of the peasants of Pskov (on regional ethno-linguistic dictionary), Pskov: Logos Plus.
2. *Krylova, A. S.* (2006), Language Situation in Ket villages, Field studies of RSUH students: ethnology, folklore, linguistics, Vol. I, Moscow, p. 163–172.
3. *Manakov, A. G., Karpukhina, N. V., Pyzhova, O. A.* (2009), Seth Pechora region in the beginning of the XXI century (on the basis of ethno-demographic research, 2008), Pskov Journal of Regional Studies, № 7, p. 140–145.
4. *Scheller, E.* (2010), The situation of Sami languages in Russia, Science and Business in Murman, № 2 (69), p. 15–27.
5. *Moseley, C.* (2010), Atlas of World's Endangered Languages in Danger, 3rd ed., Paris: UNESCO Publishing.
2. *Pajusalu, K.* (2009), Lõunaeesti murded, Eesti murded ja kohanimed, Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, p. 165–194.